

зент советует: «Однако первые абзацы по истории русской науки следовало бы расположить ближе к началу главы». Чтобы оценить этот совет, надо иметь в виду, что он единственный в отношении русской историографии. Позволительно усомниться, что при освещении русской историографии дело осталось только за тем, чтобы изложение ее располагать «ближе к началу главы». Рецензент советует далее, «чтобы характеристики буржуазных ученых были политически более заострены», следовательно, он видит и «незаостренные» характеристики. Какие? Но спрашивать бесполезно, так как в рецензии по этому поводу ничего не сказано.

Все эти соображения, как нам кажется, в достаточной степени показывают, что назрела необходимость уделить больше внимания вопросам историографии.

Е. Г. Суров

Е. С. ГОЛУБЦОВА, Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры, М., 1951, 135 стр., тираж 4000 экз., цена 8 р. 50 к.¹

Рецензируемая книга — первый печатный труд молодого автора. Она открывает серию монографий «Причерноморье в античную эпоху», к изданию которой приступил Сектор истории древнего мира Института истории АН СССР. Намерение сектора предпринять издание этой серии можно только приветствовать. Научная актуальность причерноморской тематики, органически связанной с изучением далекого прошлого нашей Родины, не вызывает сомнения. История древнего Причерноморья, в особенности Северного Причерноморья, издавна привлекала к себе внимание русских ученых. В советской исторической науке интерес этот еще более повысился и приобрел гораздо более глубокое научное содержание.

В прямой связи с выходом в свет замечательного труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» многие из проблем, уже наметившихся в ходе изучения причерноморского материала, должны быть заново пересмотрены в свете сталинских положений; в других случаях возникают новые проблемы, касающиеся, например, процесса формирования причерноморских племен в народности, активной роли надстроечных явлений и др. Разработка этих проблем с позиций марксистско-ленинской методологии на основе использования последних достижений советских историков и археологов, несомненно, внесет ясность в целый ряд принципиально важных и очень сложных вопросов.

Автор книги ставит своей целью осветить «на основе возможно более полного использования источников и литературы» (стр. 6) один из таких недостаточно еще изученных вопросов — вопрос о «взаимоотношениях Северного Причерноморья и Рима на рубеже нашей эры в эпоху борьбы народов Юга нашей страны за независимость» (стр. 6). Приступая к разрешению поставленной задачи в монографическом плане, автор исходит из безусловно правильных предпосылок. На рубеже нашей эры в Северном Причерноморье действительно «создался сложный узел противоречий» (стр. 5) — экономических и политических, — для правильного понимания которых нужно выяснить и специфику экономического, социального и политического развития Северного Причерноморья, и особенности внешней политики Рима этого времени. Автор также совершенно прав, считая, что историю взаимоотношений Северного Причерноморья с рабовладельческим Римом «нужно изучать не изолированно, а на фоне всей восточной римской политики в целом» (стр. 5). Эта мысль красной нитью проходит через всю книгу, воплощаясь в форму целого ряда более или менее пространственных экскурсов в сторону истории римской политики на Востоке и на Дунае. При помощи такого рода экскурсов и сопоставлений автор стремится раскрыть цели римской поли-

¹ Выпуск 1-й серии «Причерноморье в античную эпоху», под редакцией проф. В. Н. Дьякова.

тики на Черном море и определить ее характер на различных этапах. Не меньше внимания уделяется и событиям, происходившим в рассматриваемое время в самом Северном Причерноморье. Опираясь на свидетельства античных авторов, надписями и монетами, автор стремится объяснить эти события и показать, как реагировало на римскую политику население Боспора и Херсонеса.

Характер поставленных автором задач в значительной мере предопределил и последовательность изложения. Рецензируемая книга разбита на пять глав, считая и вводную. Вводная глава (стр. 7—30) призвана ознакомить читателя с общим экономическим положением трех главных центров Причерноморья: Ольвии, Херсонеса и Боспорского царства, на рубеже нашей эры.

Глава I (стр. 31—55) посвящена римской политике в первой половине I в. до н. э. на Востоке и вопросу о проникновении римлян в Северное Причерноморье. Автор считает, что внешнеполитическая деятельность Рима на Востоке в это время развивалась по трем основным направлениям. С одной стороны, это была политика по отношению к городам, с которых «римляне не только взимали налоги, но и покровительствовали им, способствуя развитию торговли» (стр. 32, 33, 131). Таким путем римляне стремились найти себе опору в аристократических и плутократических слоях городского населения (стр. 33, 131). Во-вторых, Рим стремился использовать зависимые от него государства, рассчитывая при их помощи укрепить свои восточные границы. В качестве примеров автор приводит Галатию, Каппадокию, Коммагену, Иудею, Вифинию и Сирию до ее превращения в римскую провинцию. Третья линия в политике Рима, по мнению Е. С. Голубцовой, определялась началом его взаимоотношений с Парфией и Арменией и упорной многолетней борьбой римлян с Митридатом VI. Этой борьбе и оценке политики Митридата в рассматриваемой главе уделяется много внимания. Вступая в острую полемику с Я. А. Манандяном и Д. П. Каллистовым, автор упрекает первого из них в том, что он изображает Митридата всеобщим движением, «переросшего в социальную революцию», а второго — в преувеличении митридатовой политики ориентации на демократические слои и широкие круги северочерноморского населения (стр. 49 сл.). Сам автор, впрочем, не отрицает, что «в борьбе с Римом Митридат привлек на свою сторону все оппозиционные Риму элементы Востока» (стр. 54), в том числе, следовательно, и демократические слои населения. Общее значение войны Митридата с точки зрения истории римской внешней политики, по мнению автора, заключается в том, что они «доказали большую роль Понта и Северного Причерноморья в восточной политике Рима» (стр. 55).

Вторая глава — «Северное Причерноморье и Рим во времена Цезаря» (стр. 56—84) — повествует о борьбе Рима с Фарнаком, битве при Зеле и о политике Цезаря и Антония по отношению к городам и зависимым государствам Востока. В политике Цезаря отмечаются прежде всего щедрые раздачи различного рода привилегий. Эта линия поведения, по мнению автора, была обусловлена двоякого рода причинами: с одной стороны, стремлением Цезаря вознаградить своих сторонников в гражданской войне (стр. 65), а с другой, — обеспечить свой тыл и подготовить благоприятную почву для задуманного похода против Парфии. Под тем же углом зрения рассматриваются взаимоотношения Рима с Херсонесом и Боспором. Глава вторая заканчивается детальным рассмотрением вопроса о времени правления Асандра. Основываясь на монетах и надписях с его именем, автор приходит к заключению, совпадающему с мнением Заллета и В. В. Латышева (Петухи, стр. 99), которые считали, что Асандр в 47 г. до н. э. утвердился у власти и стал именоваться архонтом, а в 42 г., т. е. уже после смерти Цезаря, получил титул царя.

Третья глава — «Северное Причерноморье и Рим в первые десятилетия империи» (стр. 85—123) — наиболее интересна и содержательна. Здесь обстоятельно излагается история взаимоотношений Северного Причерноморья с Римом в годы правления Августа. На стр. 94 сл. рассматриваются политические взаимоотношения Рима с Херсонесом, на стр. 99 сл. — с Боспором. В этой связи автор стремится выяснить ход событий от смерти Асандра и перехода власти к Динамии по воцарению Аспурга включительно.

В поле зрения автора, таким образом, оказываются такие сложные вопросы, как вопрос о Скрибонии, о попытке римлян посадить на боспорский престол Полемона и о хронологии правления Динамии и Аспурга. Полемизируя с Ростовцевым и основываясь на эпиграфических и нумизматических данных, автор считает, что смерть Динамии должна быть отнесена не к 7 г. н. э., а к 12 г. до н. э. Что же касается монет, выпущавшихся на Боспоре с 8 г. до н. э. и по 7 г. н. э. с головой Августа и монограммой на аверсе (обычно эти монеты приписывались Динамии), то автор относит их к правлению другого неизвестного боспорского правителя, предположительно (стр. 117), Асандроха.

По поводу изображений второй головы на реверсе упоминаемых монет, которую многие считают изображением Агриппы, автор на стр. 115 пишет: «Какие же основания могли быть у Динамии, даже если допустить, что эти монеты принадлежат ей, чеканить изображение Агриппы, уже умершего в 12 г. до н. э.? Кроме того, мы не знаем в истории нумизматики не только Боспора, но и всего римского Востока этого времени случая, чтобы местные династии, чеканя изображения римских императоров, не давали бы своего собственного изображения». Оба эти довода представляются далеко не такими незыблемыми, как думает автор. Античной нумизматике известны случаи, когда на монетах давались изображения уже умерших правителей. В качестве наиболее типичных примеров этого рода изображений можно сослаться хотя бы на посмертные выпуски статеров Александра и Лисимаха¹. Что касается второго утверждения Е. С. Голубцовой, то оно опровергается монетами боспорских правителей того же I в. н. э., лишенными их собственных изображений, но с изображениями римлян². По существу же, если ставить вопрос, были ли у Динамии основания чеканить изображение Агриппы, было бы далеко не лишним сослаться и с мнением В. Ф. Гайдукевича, который считает, что Фанагория была переименована в Агриппию именно Динамией, так как ни до, ни после нее ни в литературе, ни в надписях новое название второй боспорской столицы не встречается³.

На стр. 116 сл. Е. С. Голубцова стремится доказать, что Асандр и Асандрох не тождественны и что доселе неизвестный боспорский правитель, находившийся, по ее предположению, у власти между 8 г. до н. э. и 7 г. н. э., являлся Асандрохом. Сама по себе эта мысль не нова: в свое время такое предположение было высказано Кисслингом в его статье «Горгиппия» (RE, s. v., столб. 1628) и Андерсоном (САН, X, стр. 268). В данном случае автор рецензируемой книги попытался подойти к этому вопросу с новой стороны: «Ростовцев высказал предположение, — читаем мы на стр. 116, — что имена Асандр и Асандрох — одно и то же, а имя Асандрох есть грецизация варварского, сарматского имени». Е. С. Голубцова весьма убедительно показывает полную несостоятельность этого предположения. С ней также нельзя не согласиться, когда она говорит об отсутствии всяких оснований «грецизовать имя Асандр, так как оно и без того имеет греческое происхождение», или утверждает, «что ни одно греческое имя не образуется при помощи суффикса *-οχος*» (стр. 117). Все это совершенно верно, однако Ростовцев никогда не утверждал, что имя Асандрох являлось эллинизацией «варварского» имени. На стр. 17 своего исследования «Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа», на которое ссылается Е. С. Голубцова, он пишет: «Асандр был только грецизацией сарматского имени», следовательно, не Асандрох, а Асандр. Тем самым все рассуждения автора теряют свое значение как направленные, во-первых, против предположения несуществующего, во-вторых, предположения абсурдного, поскольку, в данном случае, речь может идти только о замене местного имени, очевидно, близким ему по созвучию и бесспорно греческим именем Асандра. Заканчивается глава заслуживающей полного признания мыслью автора о той роли, какую сыграли в политике Августа на Черном море не только обстановка на Востоке, но и положение на дунайской границе.

¹ См. А. Н. З о г р а ф, Античные монеты, М.—Л., 1951, табл. XI, XII.

² См. M i n n s, Scythians and Greeks, табл. VII, 19, 22, 23; А. Н. З о г р а ф, ук. соч., табл. XLVI.

³ В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 317.

Четвертая глава (стр. 120—130) касается общего направления восточной политики Рима при преемниках Августа и событий на Боспоре, связанных с Митридатом VII. После краткой характеристики внешней политики Тиберия, Гая и Клавдия автор довольно подробно пересказывает свидетельство Тацита о происходивших на Боспоре военных событиях, сопоставляя его с известными особенностями монет Митридата VII. Последующее утверждение на боспорском престоле Котиса автор считает равноценным превращению Боспора в зависимое от Рима государство. Трудно согласиться и с конечным выводом этой главы о превращении Боспора в 63 г. н. э. в римскую провинцию (стр. 130). Прекращение на Боспоре выпуска монет прежнего типа и появление новой монетной серии 63 г. с изображением и именем Нерона еще далеко не означали превращения Боспора в провинцию. В сложившихся исторических условиях переход Боспора на положение провинции, очевидно, мог последовать только путем военной оккупации всего этого района несравненно более значительными силами, чем те, о которых упоминают Иосиф Флавий и Тацит. Кроме того, переход на положение провинции, как известно, всегда связывался с введением определенного военно-административного режима, следов которого совершенно нельзя обнаружить в источниках, относящихся к этому периоду. Поэтому единственное упоминание самого термина «провинция» в отношении к Северному Причерноморью, которое встречается в надгробии Плавтия Сильвана (CIL, XIV, 3608), следует, очевидно, понимать, как выражение случайное — результат плохой осведомленности составителя надписи в вопросах внешней политики и административной географии римского государства.

Таков краткий перечень, безусловно, очень интересных и важных вопросов, составляющих содержание рецензируемой книги. Читатель знакомится с главными особенностями римской внешней политики на Востоке и в Северном Причерноморье и одновременно получает представление об исторической жизни Боспора и Херсонеса и их взаимоотношениях с Римом на рубеже нашей эры.

Книга Е. С. Голубцовой, однако, не свободна от недостатков и ошибок. В ряде случаев они не носят принципиального характера и могут быть признаны простительными в работе молодого автора; в других они совершенно не простительны не только для автора, но и для ответственного редактора книги. В этой связи прежде всего обращает на себя внимание, что книга Е. С. Голубцовой была подписана к печати 26 августа 1951 г., т. е. спустя год после выхода в свет классического труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», между тем в ней не только не содержится ни одного упоминания об этом совершенно исключительном по своей научной и методологической глубине произведении, но, по сути дела, автор вообще остался от него в стороне. Трагично, например, вопросы, связанные с политикой Рима на Востоке и в Северном Причерноморье, автор совершенно упускает из виду сталинское определение империи Цезаря, как государства, не обладавшего своей экономической базой, представлявшего собой непрочное военно-административное объединение. В результате автору не удалось полностью раскрыть сущность римской политики и дать правильную оценку исторической обстановки на рубеже нашей эры. Неоднократно повторяя, что «римляне не только взимали налоги с городов, но и покровительствовали им, способствуя развитию торговли» (стр. 32, 33, 91, 131), автор, повидимому, не отдает себе отчета в том, что этой политикой ориентации на верхние слои населения рабовладельческих городов и зависимых от Рима царств римское правительство тщетно пыталось компенсировать отсутствие подлинного государственного единства империи и подлинной экономической заинтересованности подвластного населения в ее существовании. Именно поэтому политика эта не могла быть последовательной и постоянно сочеталась с применением методов грубого военно-административного нажима и проведением репрессий.

Районы, отдаленные от границ империи и не испытывавшие на себе постоянного ее воздействия, находились безусловно в несколько ином положении. К числу таких районов следует отнести и Северное Причерноморье с его воинственными свободолюбивыми племенами, сохранившими способность отстаивать свою независимость с оружием в руках. В результате то, что легко удавалось Риму на Востоке, здесь нередко наталкивалось на непреодолимые затруднения и заканчивалось полным или частичным провалом рим-

ских планов. Серьезнейшим упушением в работе Е. С. Голубцовой является умолчание о широкой «варварской» периферии в Северном Причерноморье. Объяснить успешное сопротивление Боспора римской агрессии можно только при условии учета той громадной роли, которую играли свободолюбивые местные племена, охотно поддерживавшие сопротивление правителей Боспора Риму.

При таких условиях параллели, которые автор постоянно проводит между политикой Рима на Востоке и его политикой в Северном Причерноморье, далеко не всегда могут объяснить сущность происходивших здесь исторических событий.

Параграф 3-й II главы и параграф 3-й III главы автор, например, начинает с сопоставления Боспора с Иудеей и Галатией. Но что может сказать в данном случае такое сопоставление? Сам автор (стр. 118; ср. стр. 74) констатирует, что Боспор в то время не поставлял Римской империи ни войск, ни военного снаряжения, ни значительных денежных средств. В силу своего географического положения территория Боспора вряд ли могла иметь особое значение в деле защиты «восточных границ римского государства» (стр. 74). Правильнее уж было бы говорить о возможности ее использования в наступательных планах империи. Со всех этих точек зрения Боспор должен был занимать во внешнеполитических и военных расчетах римлян совершенно иное место, чем Иудея и Галатия.

В ходе изложения Е. С. Голубцова неоднократно вступает в полемику и с буржуазными и с советскими учеными. В ряде случаев эта полемика достигает цели, раскрывая перед читателями ошибочность тех или иных положений или недостаточность приводимой в их защиту аргументации. На стр. 33 сл. автор с полным основанием выступает против тенденциозного тезиса буржуазной науки о процветании Востока под властью римлян и приводит ряд фактов в его опровержение; на стр. 96 она убедительно полемизирует с Ростовцевым, стараясь доказать, что принятие Херсонесом в 25 г. до н. э. нового летоисчисления следует связывать не с Римом, но с внутренней историей города. Однако, когда на стр. 119 автор подводит итог своим взглядам на римско-боспорские взаимоотношения в эпоху Августа, она подразделяет их «на три основных периода». Первый период в истории этих взаимоотношений, по мнению автора, определялся тем, что «Рим в своей политике опирается на преданного ему царя»; второй — тем, что «Рим пытается поставить Боспор в отношение прямой зависимости путем утверждения на престоле своего ставленника», третий — тем, что «римляне не вмешиваются в дела Боспора... и... санкционируют власть Аспурга, дав ему титул царя». Вряд ли можно и следует, даже с известными оговорками, характеризовать таким образом взаимоотношения Боспора и Рима. Эта точка зрения аналогична взглядам Ростовцева, который во всех своих работах преувеличивал роль Рима в Северном Причерноморье.

Весьма характерно, что, даже оспаривая на стр. 103 сл. вывод Ростовцева о «вассальной зависимости Боспора», автор некритически воспринимает от него этот явно модернизаторский термин и пользуется им без кавычек. С другой стороны, содержание приведенного выше 2-го параграфа II главы, как и некоторых других мест книги, свидетельствует не только о хорошем знакомстве автора с работами Ростовцева, но и о некотором влиянии на него этих работ. Это влияние сказывается даже в мелочах. Так, например, на стр. 15 своей работы «Цезарь и Херсонес» Ростовцев мимоходом роняет следующую фразу: «При Митридате Херсонес вошел в состав его Понтийского царства... и... занимал в нем несколько исключительное положение, как показывает характер его монетного дела». На стр. 69 рецензируемой книги мы читаем: «Значение Херсонеса в системе Понтийского царства было выдающимся, что подтверждают местные монеты». Никаких конкретных нумизматических данных, способных подтвердить «исключительное» положение Херсонеса, Ростовцев в этом месте не приводит, отсылая читателя к другой своей работе. Так же поступает и автор рецензируемой книги, с той только разницей, что он своего читателя вообще никуда не отсылает и ни на кого, в том числе и на Ростовцева, не ссылается. Видимо, в данном случае он поверил ему на слово. Между тем, если бы автор обратился к херсонесской нумизматике того времени, вряд ли он стал бы настаивать на своем утверждении. Такой авторитетный нумизмат, как А. Н. Зограф, например, совершенно определенно считает, что херсо-

несские монеты рассматриваемого времени обладают теми же чертами, что монеты других подвластных Митридату городов¹.

Надо сказать, что и с использованием литературы вопроса у автора вообще далеко не все обстоит благополучно. Сообщая на стр. 9 об археологических раскопках Дии и Мирмекия, он ссылается, например, на сборник «Керчь индустриальная» (1932 г.). Этой ссылкой на публикацию давно уже устаревших сведений об археологических раскопках под Керчью в ненаучном издании автор обнаруживает, скажем прямо, полную неосведомленность в обширной археологической литературе, посвященной работам на Керченском полуострове и Тамани. В этой связи автору следовало обратиться к исследованию В. Ф. Гайдукевича «О местоположении древней Тиритаки», подкрепленному материалами его многолетних раскопок.

Пожалуй, не лучше обстоит дело с использованием современной научной литературы и по другим вопросам. Дважды упоминая о выступлении Савмака, автор обходит полным молчанием полемику, возникшую вокруг этого вопроса². Касаясь очень сложного вопроса о положении непосредственных производителей на Боспоре, автор ограничивается полемикой с Ростовцевым и ссылкой на исследование С. А. Жебелева, совершенно упуская из виду, что по этому вопросу было высказано оригинальное и обоснованное мнение В. Ф. Гайдукевичем (ук. соч., стр. 148 сл.). Книга Г. Д. Белова «Херсонес Таврический», хотя и упоминается автором в примечании, но явно не используется. Иначе автор, считаясь с данными, приведенными на стр. 64 сл. и 116 сл. книги Г. Д. Белова, несомненно, расширил бы перечень торговых контрагентов Херсонеса на стр. 19 и учел его мнение на стр. 96, на которой он полемизирует только с одним Ростовцевым по вопросу о принятии Херсонесом новой эры. Было бы также не лишним учесть исследование Т. Н. Книпович о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма (СА, XI, 1949, стр. 271 сл.) и об «Основных итогах ольвийской экспедиции» (КСИИМК, XXXV, стр. 97 сл.).

Игнорирование целого ряда работ советских ученых по Северному Причерноморью не могло не наложить своего отпечатка на многие высказывания автора. Чем иначе можно объяснить хотя бы его взгляд на Боспорское государство, выраженный на стр. 20 в следующих словах: «Города, входившие в состав Боспорского царства: Пантикапей, Феодосия, Дия, Тиритака, Мирмекион, вынуждены были объединиться для отпора местному населению»? В этой фразе все вызывает недоумение. Повидимому, автор имеет тут в виду не города, «входившие» — иначе фраза теряет всякий смысл, — но только еще «вошедшие» в состав боспорского государственного объединения, т. е. говорит об образовании боспорского государства. Но почему, в таком случае, автор ставит Пантикапей — очевидный центр и столицу боспорского объединения времени Археонактидов — рядом с Феодосией, которая, как известно, была завоевана только при Левконе? Почему в числе городов, повидимому, с самого же начала вошедших в состав боспорского объединения, он не называет вторую азиатскую столицу Боспора — Фанагорию, а также Гермонассу и Кены, предпочитая назвать вместо них менее значительные Мирмекий, Тиритаку и Дию? С Тиритакой и Дией получается уж совсем неладно. Приходится напомнить, что очень долгое время, начиная с Дюбуа и до опубликования В. Ф. Гайдукевичем упомянутого выше его исследования «О местонахождении древней Тиритаки», Дию отождествляли с тем же самым городищем в Камыш-Буруне, с которым теперь все отождествляют Тиритаку, в связи с чем вопрос о местонахождении Дии, равно как и вопрос о времени возникновения этого поселения, в настоящее время считается открытым.

Можно было бы привести еще целый ряд аналогичных утверждений Е. С. Голубцовой, которые, не будучи подкреплены должной аргументацией, неизбежно вызывают недоумение у каждого, занимавшегося северочерноморским материалом. Как, например, понять ее утверждение, что население Ольвии «варваризировалось больше,

¹ См. А. Н. Зограф, Античные монеты, 1951, стр. 152.

² См. В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 536; В. В. Струве, Восстание Савмака, ВДИ, 1950, № 3, стр. 23 сл.

чем население других эллинских городов на побережье Черного моря» (стр. 11), какой смысл следует вложить в ее замечание на стр. 58 об отсутствии «благодарственных надписей от граждан Пантिकाпея и Феодосии своим архонтам»? Разве автору неизвестно, что в большинстве надписей с титулатурой Спартокидов, которые, повидимому, здесь имеются в виду, имена боспорских правителей используются главным образом для датировки соответствующих посвящений, в связи с чем надписи эти не могут быть названы «благодарственными» по отношению к самим Спартокидам.

Рассуждения автора на той же 58 стр. о самом «звании архонта Боспора», которое «еще не давало права его правителям вмешиваться в дела городского самоуправления», или ее поистине идилическое представление о взаимоотношениях городов с боспорскими правителями, которые «лишь получали дань и обязывались со своей стороны охранять спокойствие городов», учитывая все нам известное о соотношении сил на Боспоре в пору превращения его в централизованное государство, звучит крайне наивно. Невольно задаешь себе вопрос: откуда, из каких источников почерпнул автор основания для такого рода представлений о политической структуре Боспора?

В полемике Е. С. Голубцовой с советскими исследователями много внимания уделяется автору настоящей рецензии. Должен в этой связи заявить, что со времени опубликования моих работ, о которых сейчас идет речь, прошло 12—14 лет. Уже одно это дает основание подвергнуть содержащиеся в них выводы критическому пересмотру и в свете новейших данных, и по существу вопроса. Однако критика Е. С. Голубцовой не может не вызвать с моей стороны некоторых возражений. На стр. 51 сл. автор пишет, что Каллистов «не учитывает, что „политика“ обращения Митридата к скифским и сарматским племенам и опора на них появляются лишь в конце его царствования». Далее автор приводит цитату из 108-й главы Аппиана, по поводу которой пишет: «есть все основания принять объяснение Аппиана, и тогда уже нельзя согласиться с точкой зрения Д. П. Каллистова». Я согласился бы с Е. С. Голубцовой, если бы Аппиан писал о политике ориентации Митридата на северочерноморские племена только в 108-й главе. Но все дело в том, что он пишет об упоминаемой политике Митридата еще и в 13, 57 и 102-й главах той же книги. В 57-й главе Сулла, например, упрекает Митридата в том, что тот, «еще не начав ни с кем войну... вступил в союз с фракийцами, скифами и савроматами». Из приведенного свидетельства Аппиана, следовательно, вытекает, что Митридат ориентировался на военную помощь скифов и савроматов еще до начала первой войны с Римом.

На той же 52 странице Е. С. Голубцова пишет: «... автор (т. е. Каллистов.— Д. К.) считает, что понтийский царь выступил „как защитник интересов самых широких кругов туземного населения“». С полной ответственностью утверждаю, что фраза в кавычках, взятая Е. С. Голубцовой якобы со стр. 282 моей работы (ВДИ, № 2, 1938), ни на указанной странице, ни на других страницах той же моей работы не содержится и что я не считал и не считаю Митридата Евпатора «защитником интересов самых широких кругов туземного населения».

Следует также предупредить читателя, что в рецензируемой книге встречаются, — особенно при цитировании источников и в ссылках на них, — многочисленные фактические ошибки и неисправленные опечатки. На стр. 9 автор, например, приводит в кавычках со ссылкой на Полибия (IV, 38, 15) следующую цитату: «Северный Понт составляет огромное количество бесспорно отличнейших рабов». И ссылка и цитата неверны. В 38-й главе IV книги Полибия только 13 параграфов. Автор явно имеет в виду параграф 4, но там сказано не «Северный Понт», а «...окружающие Понт (следовательно, Черное море — Д. К.) страны». То же и при ссылках на Аппиана. На стр. 53 приводится в кавычках следующая ссылка на 102-ю главу его «Митридатовых войн»: «когда римские легионы наводнили припонтийские страны, римляне массами устремились в Понт и занялись там торговой деятельностью». В тексте 102-й главы, трактующей о бегстве Митридата, нет ничего даже отдаленно похожего на эту фразу. Рядом на той же странице имеется вторая цитата в кавычках, касающаяся помощи, оказанной Митридату перебежавшими на его сторону римлянами, в деле реорганизации его армии, со ссылкой на 97-ю главу Аппиана. Между тем, в указанной главе не только не содер-

жится цитированная фраза, но Аппиан рассказывает в ней о перебежавших на сторону римлян воинах Митридата, т. е. прямо противоположное тому, что говорит Е. С. Голубцова. Взятая в кавычки цитата на 54-й странице со ссылкой на Диона Кассия (XLII, 3, 4) и ту же 97-ю главу Аппиана также не совпадает с текстом названных авторов. На той же странице книги со ссылкой на 120-ю главу Аппиана дается в кавычках следующая цитата: «Кальвин, идя против Фарнака, набрал легион из поселившихся в Понте римлян». На стр. 58 перевод той же самой фразы со ссылкой на ту же 120-ю главу Аппиана звучит так: «... задумав захватить Амис, он (Фарнак.— Д.К.) вступил в войну с римским военачальником Кальвином». Тексту Аппиана, конечно, соответствует только второй вариант перевода. Автор путает нумерацию глав и их содержание и в других ссылках на Аппиана. На стр. 41, в прим. 1, он ссылается на 154-ю главу, тогда как в этой работе Аппиана всего 121 глава; на стр. 45, упоминая о переговорах Суллы с парфянским послом, автор ссылается в прим. 2 на 75-ю главу Аппиана, в которой ни слова об этих переговорах не упоминается. На стр. 51 автор пишет, что «Митридат вынужден был отдавать своих дочерей в жены вождям скифских племен», и ссылается в прим. 3 на 101-ю главу Аппиана. В действительности Аппиан упоминает об этом факте не в 101, а в 102 и 108-й главах.

В ссылках на Страбона Е. С. Голубцова пользуется то старой, то новой нумерацией его текста, что затрудняет не только читателя, но путает и самого автора. Так, комментируя в прим. 1 к стр. 74 приведенную со ссылкой на XIII, 3, 4 цитату из Страбона (см. прим. 1 к стр. 75), автор пишет: «В другом месте у Страбона (XIII, 625) читаем...». Проверка показывает, что это «другое место» (поскольку XIII, 625 = XIII, 3, 4) оказывается тем же самым местом. Кстати сказать, в упоминаемой цитате из Страбона совершенно неосновательно заключены в кавычки слова «незаконный сын Митридата».

Упоминая на стр. 23 об отказе последнего Перпсада от власти в пользу Митридата, автор приводит греческую цитату (в нее вкралась ошибка: нужно не *τόν*, а *τοῦ πρότερόν*) и ссылается без указания параграфа на XII, 12 Страбона. В данном случае следовало, конечно, сослаться не на XII, а на VII, 4, 4. В прим. 4 к стр. 9, желая подтвердить факт продажи кочевниками рабов, автор ссылается на XI, 11, 12, Страбона. Эта ссылка в точности совпадает с приведенной по совершенно аналогичному поводу ссылкой Б. Н. Гракова: «Strabo, XI, 11, 12, = SC, 13, 1»¹. Если бы автор обратил внимание на знак равенства между ссылкой на Страбона и на сборник В. В. Латышева и проверил бы эту ссылку хотя бы по упоминаемому сборнику, он безусловно заметил бы, что у Б. Н. Гракова здесь вкралась явная опечатка: следовало сослаться не на XI, 11, 12, а на XI, 2, 3. Ошибки в ссылках и цитировании Страбона можно отметить и на стр. 10, прим. 4, и на стр. 11, прим. 3. Они допускаются в ссылках на других авторов. На стр. 44, прим. 4, например, неправильно указана книга Мемнона, на стр. 42, прим. 2, непонятна ссылка «Plut., Luc., стр. (?) 84»; не унифицированы ссылки на Диона Хрисостома (ср. стр. 12, прим. 3 и стр. 16, прим. 2). Не свободна рецензируемая книга от стилистических шероховатостей и повторений, иногда почти дословных (ср. стр. 31, 32, 35 и стр. 131; стр. 27 и стр. 37, стр. 31, 39, 45). Большая часть отмеченных ошибок и опечаток легко могла бы быть устранена при редактировании книги, но, к сожалению, приходится констатировать, что редакторской правки в ней почти не чувствуется. Создается впечатление, что молодой автор целиком был предоставлен собственным силам. В результате весьма интересная по замыслу и характеру затронутых в ней вопросов книга оказалась во многих отношениях испорченной. Будем надеяться, что при подготовке к печати других книг, намеченных к изданию в серии «Причерноморье в античную эпоху», этот первый, не совсем удачный, опыт будет учтен.

Д. П. Калистов

¹ ВДИ, 1939, № 3, стр. 33, 4-я строка сверху.